

УДК 821.111

**ОБРАЗ ПАРИЖА В КНИГЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ «ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ»
И РОМАНЕ Г. МИЛЛЕРА «ТРОПИК РАКА»****Н.А. КАЗАЧЁНОК***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)*

Статья посвящена исследованию процесса развития художественного образа Парижа в произведениях двух американских авторов, таких как Г. Миллер (роман «Тропик Рака») и Э. Хемингуэй (книга «Праздник, который всегда с тобой»). Выделяются несколько слагаемых образа города, а также анализируются черты образа Парижа, присутствующие в обоих произведениях.

Париж – один из самых часто описываемых писателями городов. О нем писал не только Виктор Гюго, Оноре де Бальзак, Шарль Сорель, но и американские писатели как Генри Миллер и Эрнест Хемингуэй. Город покорила не только тех, кто жил там или провел некоторое время, но и тех, кто никогда не был знаком с Парижем в реальной жизни. В работах многих известных романистов раскрывается образ Парижа посредством героев произведений. В романах писателей Париж – это существо, обладающее душой.

В начале XX века многие американцы стремились оказаться в Париже, главным образом, писатели, художники и другие представители интеллектуальной элиты, среди которых были Э. Хемингуэй и Г. Миллер. В 1934 году парижское издательство «Обелиск Пресс» опубликовало книгу Генри Миллера «Тропик Рака» (*Tropic of Cancer*). В предисловии к ней В. Канторин пишет об авторе произведения: «Он много путешествовал по Америке. В начале двадцатых – ему было уже за тридцать – оказался в Париже» [1, с. 7]. Д.С. Петров в диссертации «Роман Генри Миллера «Тропик Рака» и европейский сюрреализм», говоря о Париже, подчеркивает: «Именно здесь Миллер нашел благоприятную атмосферу для продолжения творческих поисков» [5].

В 1964 году увидел свет роман Э. Хемингуэя о Париже 20-х годов. Наконец, писатель осуществляет свою мечту – пишет книгу о городе, который ему очень дорог. Так, М.О. Мендельсон отмечает, что Хемингуэй заставляет читателя видеть «все о чем, повествует» [2, с. 184]. Роман «Праздник, который всегда с тобой» – это воспоминания, пронизанные лирическим чувством, однако в ней присутствуют черты художественного произведения. В романе Э. Хемингуэй показывает читателю Париж, который он любил, то есть живой и завораживающий город, образ которого неотступно преследовал его на протяжении всей жизни писателя.

В романе Г. Миллера описывается жизнь бедного американского парня, приехавшего в Париж: «Это уже моя вторая осень в Париже. Я никогда не мог понять, зачем меня сюда принесло»¹ [3, с. 6]. Для него Париж – это дешевые комнаты Монпарнаса, поскольку его «тошнило от соборов, площадей, зоологических садов и прочей дребедени»² [3, с. 25]. Он живет в мире, где «засыпан евреями, как снегом», а «жратва» – это единственное, что доставляло ему «ни с чем несравнимое удовольствие»³ [3, с. 9]. Париж казался герою веселым пиром, где он, нищий и растерянный, неприкаянно бродил по улицам. Генри ощущал этот город «физически» и сравнивал Париж со щипцами, которые «извлекают эмбрион из матки». Он приводит в пример знаменитых писателей, добившихся успеха в этом городе, оставляя за собой надежду на успех. Его отношение к Парижу отражает жажду к жизни и творческим порывам, поскольку этот город обладает энергией.

Сравнивая романы Г. Миллера и Э. Хемингуэя можно выделить, как схожие черты, так и противоположные. На первый план выходит их социальное положение – недостаток материальных средств, поэтому оба писателя познают «голодный» Париж, где всегда приходится заботиться о своем пропитании. Однако каждый из писателей переживал и относился к этому по-своему. К примеру, Э. Хемингуэй считал, что голод хорошо дисциплинирует и многому учит. Не раз ему приходилось вводить свою жену в заблуждение, рассказывая ей истории о прекрасных обедах, которыми его угощали, когда на самом деле вместо этого он бродил по Люксембургскому саду: «С точки зрения любых норм мы по-прежнему были очень бедны, и я все еще, чтобы немного сэкономить, говорил жене, что приглашен на обед, а потом два часа гулял в Люксембургском саду и, вернувшись, рассказывал ей, как великолепен был обед»⁴

¹ It is now the fall of my second year in Paris. I was sent here for a reason I have not yet been able to fathom [7, p. 8].

² Fed up with cathedrals and squares and menageries and what not [7, p. 19].

³ Food is one of the things I enjoy tremendously [7, p. 8].

⁴ By any standards we were still very poor and I still made such small economies as saying that I had been asked out for lunch and then spending two hours walking in the Luxembourg Gardens and coming back to describe the marvellous lunch to my wife [8, p. 46].

[6, с. 59]. В то время в Париже голод ему казался «нестерпимым», однако именно он сделал его более восприимчивым к деталям и людям, которые его окружали.

У Г. Миллера голодное состояние не вызывает никаких отвлеченных от еды мыслей и ассоциаций. Каждый раз автор информирует читателя о состоянии Генри, в котором он находился на перекрестках улиц или проходил мимо парижских отелей: «В полдень я стою с пустым брюхом на перекрестке узеньких кривых улочек, от которых прямо-таки разит жратвой»⁵ [3, с. 49]. Чувство голода сводило его с ума, поскольку все, что он замечал в те минуты в Париже, так это только извилистые улочки с проходящими мимо людьми, у которых он видел «великолепный» аппетит в глазах. Голод – это было единственное, что омрачало ему жизнь в этом городе. Называя себя голодной гиеной, герой уверен, что ему необходима энергия, чтобы продолжать жить свободной жизнью. Когда была возможность сходить куда-либо перекусить, двери парижских кафе, таких как «Будон» или «Куполь», всегда были для Генри открыты.

Неотъемлемой частью образа Парижа у Э. Хемингуэя являются кафе, в которых он проводил дни за работой и общением с друзьями и писателями. Кафе «Ли́ла», которое писатель называл своим «рабочим столом», находилось недалеко от его дома, и, порой, он, собираясь домой, машинально выбирал улицы, ведущие не к дому, а к этому кафе. Это заведение Хемингуэй предпочел бы любому другому месту, поскольку он считал, что «Ли́ла» – его родной дом, и не желал, чтобы его «выжили» из него: «Работать можно было бы и в других кафе, но до них было не близко, а это кафе стало моим родным домом. Я не хотел, чтобы меня выжили из «Клозери-де-Ли́ла»»⁶ [6, с. 54]. Кафе, по мнению Ж.К. Нурмановой, представляет собой в книге Э. Хемингуэя «основу миротворчества» [4].

В «Тропике Рака» для Генри не существует «родного» кафе – он блуждает по бесконечным парижским заведениям и за одну ночь может посетить даже несколько из них. Роман наполнен названиями – бар «Ритц», ресторан «Дом», бистро «Мсье Поля», кафе «Де л'Элефан», «Куполь», «Ла Аль», «Дюпон», кафешантан «Баль негр» и другие. К каждому из заведений привязана какая-либо личность или история, к примеру, в кафе «Дюпон» посетители представляют собой «гангренозных трупов», а в бистро «Мсье Поля» находится комната с круглогодичными мухами, предназначенная лишь для журналистов.

Не обладая денежными средствами, Генри удавалось проводить время в шикарных барах вокруг Елисейских полей: «... где звуки джаза и стонущие детские голоса певцов исходили, казалось, прямо из стен, отделанных панелями красного дерева»⁷ [3, с. 209]. Находясь в подобных заведениях с «молочно-древесной» музыкой, ему казалось, что он пребывает во сне. Та атмосфера, в которую он был погружен во время «бесконечных хождений по шикарным барам», была незабываемой, и он мечтал, чтобы так было всегда. Происходящее в заведениях заглушало все неприятности обычной жизни.

В «Празднике» Э. Хемингуэй, описывая свою парижскую «квартирку», которая «говорила только о бедности», обращает внимание читателя на то, что «из окна открывался чудесный вид», на стенах висели картины, которые им очень нравились, а сама квартира была «светлой и уютной». У Г. Миллера отсутствует какое-либо умиление многочисленными местами проживания, которые представляли собой маленькие грязные комнатки или мрачные гостиницы, напоминающие тюрьмы. Париж – это чистый город, однако недостаток материальных средств оставляет свой отпечаток, поскольку повсюду царит бедность и убожество. На протяжении всего произведения преобладает циничное отношение к окружающей его в Париже «нищей» обстановке.

В первой строке «Праздника» Э. Хемингуэй пишет о погоде: «А потом погода испортилась. Она переменялась в один день – и осень кончилась. Из-за дождя нам приходилось закрывать на ночь окна, холодный ветер срывал листья с деревьев на площади Контрэскарп»⁸ [6, с. 7]. Дожди сказывались на его настроении, и Париж воспринимался для писателя совсем по-иному – это уже был холодный и унылый город с черными улицами. Его пугало чувство, что дожди испортят весну, о которой он не раз писал, как о долгожданном времени года, и о том, что она приносила ему в те дни радость: «Люди всегда ограничивали счастье – за исключением очень немногих, которые несли ту же радость, что и сама весна». Весна в Париже для Эрнеста Хемингуэя – одна из составляющих счастья и благополучия, это время года, которое ему очень нравилось в этом городе: «И я подумал, что ничего другого нам не нужно»⁹ [6, с. 33].

Атмосфера Парижа, который готовился к зиме, также казалась писателю чудесной, и весь город был готов обеспечить его теплом в приближающиеся холодные дни: «Когда мы вернулись в Париж,

⁵ High noon and here I am standing on an empty belly at the confluence of all these crooked lanes that reek with the odor of food. [7, p. 59].

⁶ There were other good cafes to work in but they were a long walk away and this was my home cafe. It was bad to be driven out of the Closerie des Lilas [8, p. 41].

⁷ ... where the sound of jazz and baby voices crooning seems to soak right through the mahogany woodwork [7, p. 183].

⁸ Then there was the bad weather. It would come in one day when the fall was over. We would have to shut the windows in the night against the rain and the cold wind would strip the leaves from the trees in the Place Contrescarpe [8, p. 4].

⁹ I thought that was all we needed [8, p. 24].

стояли ясные, холодные чудесные дни. Город приготовился к зиме. На дровяном и угольном складе напротив нашего дома продавали отличные дрова, и во многих хороших кафе на террасах стояли жаровни, у которых можно было погреться. В нашей квартире было тепло и уютно»¹⁰ [6, с. 11]. Улицы, замечает Э. Хемингуэй, были по-зимнему светлыми и гулять по Люксембургскому саду «при резком свежем ветре» становилось привычным делом.

В «Тропике Рака» у Генри наблюдается по-иному небезразличное отношение к парижской весне, запах которой будоражит его сознание: «Запах весны был уже в воздухе; ядовитой, зловонной весны, которая поднималась из выгребных ям»¹¹ [6, с. 11]. С легкой иронией он описывает парижан – даже самые нищие из них считают, что Париж представляет собой олицетворение рая в это время года. Зимой же Париж для Генри – это «отвратительное место». Сырые зимние ночи у Генри ассоциируются с мрачными идеями о гниющем мире, полном костей и черепов.

Генри в «Тропике Рака» не раз говорит о чистоте Парижа, его улиц, домов. Деревья, темно-синее небо, красные сигаретные вспышки, фасады домов – все это заставляет его задыхаться от красоты. У Миллера Париж спасает Генри от одиночества, заставляет интересоваться жизнью, несущественными деталями. На улице Фобур Пуассоньер он рассуждает о французе, который, по его мнению, должен носить блестящие «штиблеты», а на площади Клиши – о девушке с деревянной ногой.

Париж для Генри – это нечто такое, чего очень хочешь, но когда получаешь, то на смену страстного желания приходит разочарование – Миллер сравнивает Париж с «девкой», после которой презираешь самого себя. Однако такое мнение для Генри не статично. В солнечные и теплые дни он рассуждает по-иному, сравнивая Париж с невестой. А когда к нему приходит страх одиночества, он называет парижские улицы своими друзьями: «Я был совершенно один, и моими единственными друзьями были парижские улицы, которые разговаривали со мной на печальном, горьком языке, состоящем из страдания, тоски, раскаяния, неудач и напрасных усилий»¹² [3, с. 223]. Париж его привлекает тем, что в нем можно просто жить – без друзей и родных, и даже без денег. Там у него было время на все, чем ему хотелось заниматься – поглощать «романтическое варево» или «заглядывать» в жизни окружающих. Гуляя по парижским улицам с иронической улыбкой, Генри все же понимал, что происходящее вокруг него «малосъедобно».

Миллер называет Париж «центром мироздания», вечным городом и пупом земли. Он говорит, что именно там самые абсурдные идеи становятся понятными и естественными. Неоднократно Генри подчеркивает, что, бродя по парижским улицам, его не покидает ощущение того, что он находится в сумасшедшем доме. Однако они являются домом для Генри: «Никто не может понять очарования улиц, если ему не приходилось искать в них убежища»¹³ [3, с. 221]. Именно на улицах его посещают мысли, которые не приходят к нему, когда он пытается писать в помещении. Как бы нелегко было жить в этом городе, жизнь там сравнима с наркотиком: «Он натерпелся в Париже, так же как и я и все, кто приезжает сюда, но Париж имеет странное свойство – чем больше тебе здесь досталось, тем сильнее он тебя притягивает»¹⁴ [3, с. 221]. Бродить по ночным парижским улицам и неспешно идти домой на рассвете мимо монпарнасских «Джунглей» было обычным делом для Генри. Париж для него – это страстная женщина, от которой было сложно скрыться, тем более, если не слишком стремишься.

Э. Хемингуэй в «Празднике» свойственно подробное, в каком-то роде схематичное, описание маршрутов, чего нет у Г. Миллера, у которого названия заведений являются отправной точкой сменяющих друг за другом историй. Миллер не просто упоминает названия, но описывает места, сравнивает: «Перехожу сквер Фюрстенберга. Сейчас, в полдень, он другой, не такой, как ночью, несколько дней назад. Тогда он был пуст, печален, точно кладбище»¹⁵ [3, с. 49]. В произведениях кафе и рестораны подаются с разных углов – у Миллера они представляют собой увеселительные заведения, полные эмоций и действий, когда для Хемингуэя – это мир, где он творил, начиная свой литературный путь.

В «Празднике» автор очень чуток к звукам, которые «издает» город, а парижское утро изображает так, что читатель может представить отчетливую картину происходящего. Э. Хемингуэй воспринимает Париж посредством слуха и зрения, ничего не упуская из виду. Описание Парижа ностальгическое, что крайне отличает его от произведения Генри Миллера, который, тем не менее, также ощутимо передает

¹⁰ When we came back to Paris it was clear and cold and lovely. The city had accommodated itself to winter, there was good wood for sale at the wood and coal place across our street, and there were braziers outside of many of the good cafes so that you could keep warm on the terraces. Our own apartment was warm and cheerful [8, p. 7].

¹¹ There was a touch of spring in the air, a poisonous, malefic spring that seemed to burst from the man-holes [7, p. 58].

¹² I was utterly alone in the world and for friends I had the streets, and the streets spoke to me in that sad, bitter language compounded of human misery, yearning, regret, failure, wasted effort [7, p. 192].

¹³ And no man can understand the glamor of the streets until he is obliged to take refuge in them... [7, p. 190].

¹⁴ Paris hadn't been good to him, any more than it had to me, or to anybody, for that matter, but when you've suffered and endured things here it's then that Paris takes hold of you... [7, p. 183].

¹⁵ Pass the Square de Furstemberg. Looks different now, at high noon. The other night when I passed by it was deserted, bleak, spectral [7, p. 57].

свои чувства и парижскую атмосферу. Однако мир, в котором живет Генри – весь в «миазмах», когда у Хемингуэя даже самые трудные и голодные дни описаны в лирических тонах.

Ситуация, в которой находился Э. Хемингуэй в Париже, вынуждала его голодать, однако это чувство сделало его более восприимчивым к окружающей парижской атмосфере. В частности, к запахам, которые повсюду преследовали писателя. Так, в «Клозери» Э. Хемингуэй мог просто наблюдать за прохожими, разговаривать с посетителями, вести беседу с друзьями, грустить по поводу перемен в заведении, принимать пищу и, самое главное, работать. Для Э. Хемингуэя Париж не возможен без уютных кафе и их атмосферы. Кафе – это целый мир, в котором писатель жил и творил. У Миллера, в свою очередь, дома – это тюрьмы, а парижские улицы – друзья. Блуждая по городу, Генри чувствует себя «птичкой», которая порхает от одного квартала к другому. В Париже он – свободный человек, несмотря на то, что он бездомный, голодный и без своего жилья; в нем живет страсть к приключениям и уверенность в том, что Провидение позаботится о нем. Париж у Миллера обладает многообразностью – он и женщина, и девушка, и друг. Он не хочет покидать город, поскольку Париж – его спасение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канторин, В. Предисловие / В. Канторин // Тропик Рака / Г. Миллер. – СПб. : Библиотека Звезды, 1992. – 317 с.
2. Мендельсон, М. О. О книге «Праздник, который всегда с тобой» (послесловие) / М. О. Мендельсон // Иностранная литература. – М. : Иностранка, 1964. – С. 182–185.
3. Миллер, Г. Тропик рака / Г. Миллер. – М. : АСТ, 2015. – 382 с.
4. Нурманова, Ж. Образ парижского кафе как «эталон кратковременного бессмертия» / Ж. Нурманова // Acta humanitarika universitatis Saulensis. – Вильнюс, 2012. – С. 266–273.
5. Петров, Д. С. Роман Генри Миллера «Тропик Рака» и европейский сюрреализм [Электронный ресурс] / Д. С. Петров. – 2006. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/roman-genri-millera-tropik-raka-i-evropeiskii-surrealizm>. – Дата доступа: 15.09.2016.
6. Хемингуэй, Э. Праздник, который всегда с тобой / Э. Хемингуэй. – Минск : Мастац. літ., 1988. – 541 с.
7. Miller, H. Tropic of Cancer / H. Miller. – СПб. : Капо, 2011. – 352 с.
8. Hemingway, E. A Movable Feast / E. Hemingway. – London ; Toronto ; New York : Grandada Publishing Limited, 1977. – 99 p.